

Честный разговор об итогах реформы образования

[Анна Данилова](#), [Владимир Миронов](#) | 20 октября 2015 г.

"Правмир" продолжает серию бесед с ведущими отечественными учеными о реформе образования. Декан философского факультета МГУ, профессор, член-корреспондент РАН **Владимир Миронов** рассказывает о реформе Академии наук, «вылупившихся» из ЕГЭ абитуриентах и контркультурности сексуальной революции – в интервью Анне Даниловой.

Владимир Миронов. Фото: Анна Данилова

- [Владимир Миронов: Протесты не дают полностью проигнорировать мнение ученых в реформе РАН](#)
- [Владимир Миронов: Необходимо создать атмосферу нетерпимости к плагиату в науке](#)
- [Владимир Миронов: Как нужно реформировать Академию Наук?](#)
- [Владимир Миронов: Почему продолжают уезжать ученые?](#)

Миграция в одну сторону и гендерные перекосы: здравствуй, ЕГЭ

– Владимир Васильевич, вы были оппонентом введения Болонской системы в России. Сейчас, когда переход на Болонскую систему в том или ином виде состоялся, как вы оцениваете этот процесс? Есть ли тут положительные моменты, и что вызывает наибольшее беспокойство?

– Только что у нас были немецкие коллеги из Гейдельберга, и мы вспоминали начало нулевых. Тогда была эйфория по поводу происходящих процессов, все говорили о мобильности, возможности для студентов выбирать собственные траектории обучения и пр. Лет через пять после этого, находясь в кабинете декана философского факультета, я обратил внимание на гору бумаг, которые оказались различного рода бланками. Бланки должен был заполнять преподаватель. И декан оценивал уже болонский процесс иначе, он сказал мне, что в результате всего этого в университете царствует не профессор, а инспектор.

В это же время в Карлсруэ, где университет слили с научным центром, и он перестал существовать именно как университет, – я стал свидетелем демонстрации с лозунгами «Вернем фундаментальное образование!» Основу этой демонстрации составляли студенты и школьники-гимназисты, то есть те, кому предстояло поступать в университет.

В конце концов, по многим параметрам на Западе произошел «откат», теперь Болонская система там реализуется в достаточно мягкой форме, сохраняются и традиционные формы обучения. Например, в Германии (там земельное управление, поэтому все нововведения носят не совсем одинаковый характер: каждая земля вносит свои коррективы) существуют такие программы – бакалавр, мастер, магистр. И классический магистр у них – это наш специалист. То есть как это было в России до того, как мы вошли в болонский процесс.

Документы болонского процесса, в принципе, предоставляют достаточно большую самостоятельность при реализации и уж, конечно, никак не связаны ни с наращиванием доли платного образования, ни с введением экзаменов, подобных ЕГЭ. Мы же стали не просто выполнять принципы «вхождения» в этот процесс, а добавили туда такую специфику, которой просто нет в большинстве стран Европы.

Это всё выдумки наших министров, что ЕГЭ – мировой опыт. ЕГЭ в виде единственной формы отбора абитуриентов в вузы есть в очень немногих странах. В частности, в Египте, откуда наши министры образования его и заимствовали. В США в некоторых штатах была схожая форма оценки качества выпуска в школах, но от нее тоже отказались. Ведущие университеты никогда не шли по такому упрощенному критерию отбора абитуриентов. И даже если где-то присутствует подобный экзамен, то он обязательно дополняется еще какими-то формами испытаний.

Думаю, не случайно, в том числе и благодаря жесткой позиции руководства Московского университета, в Петербургском университете и еще ряде других позже были введены дополнительные профильные экзамены. И понятно, почему! Без этого вообще невозможно обеспечить мотивацию выбора специальности. Когда всё решает набор баллов, процесс приобретает стихийный и непредсказуемый характер.

В этом контексте можно отметить еще и проблему платного образования. Нам в процессе реформ очень долго преподносили это чуть ли не как основной тренд развития мирового образования. Но это было, мягко говоря, неточностью. В тот период платного образования не было в Скандинавии, в Финляндии его до сих пор нет – это закреплено конституцией и рассматривается как достижение государства. В Швеции платное образование ввели весьма недавно и таким образом, что сумма платы не превышает 1000 евро, при этом государство компенсирует проживание в общежитии и т.д. В Германии начали вводить, но лишь в некоторых землях.

Около двух лет назад под давлением населения последние две земли Германии – Бавария и Баден-Вюртемберг – полностью отказались от платного образования. И это мгновенно дало результат: во всём мире резко повысился интерес к немецкому языку, который до этого так же резко упал. Даже у нас на факультете возросло количество студентов, которые стали факультативным образом изучать немецкий язык. Вот вам пример стратегически правильного решения, которое обязательно позже даст и финансовый эффект за счет привлечения специалистов из других стран. Согласитесь, есть о чем задуматься, ведь у нас именно высокая цена обучения, особенно в мегаполисах, уже привела к резкому сокращению количества иностранных студентов. А опустить порог оплаты вузы не могут: «стоимость» бюджетного студента высока, и ниже ее плата за образование быть не может.

Кстати, о проблеме языка. Язык – системообразующая часть национальной культуры. Тенденция всё переводить на английский язык не безобидна, даже когда прикрываются тем, что это язык научного общения. Нам говорят, что если мы будем издавать статьи на английском языке, то их будут больше цитировать, и это станет критерием эффективности работы ученого и преподавателя. Но ведь это просто глупость. Тогда проще запретить в своей стране говорить по-русски – и лет через двадцать гарантированно цитирование будет выше.

Схожие процессы есть и в других странах, но там опять же ученые, особенно гуманитарии, протестуют. Гуманитарная наука, по определению, исследует человека в том или ином аспекте, – человека говорящего, и говорящего в том числе на своем языке. Именно это и обеспечивает диалог культур – раскрытие кодов и символов другого языка. При этом иногда исторически ссылаются на введение латыни в старые времена. Так действительно было, но одновременно это породило и ряд серьезных проблем. И после этого произошел отказ от латыни и становление национальных языков, что в свою очередь дало толчок к развитию литературы, культуры в целом. Вспомните, что борьба против латыни была одним из лозунгов Лютера в период Реформации.

Это не значит, что не надо учить другие языки, но это значит, что не надо разрушать национальный язык, собственную культуру, – напротив, надо это поддерживать. В Германии года три назад был скандал, когда два ведущих философских журнала заняли низкое место в рейтинге, так как не было их английских инвариантов. Причем один журнал был посвящен наследию Гегеля, другой – наследию Канта. Кант и Гегель – при чем тут английский язык? В результате было опубликовано письмо издателей философской литературы Германии с протестом против того, что на таких рейтингах основывают финансирование, тем самым разрушая собственную культуру. Кстати, это письмо было переведено у нас и опубликовано в «Вопросах философии». Было бы полезно чиновникам от образования с ним ознакомиться.

Только что у нас выступал с лекциями декан философского факультета Гейдельбергского университета и директор института философии профессор Антон Кох. Беседуя с нашей профессурой на ученом совете, он сказал любопытную вещь. Все говорят о глобализации и английском языке как средстве интеграции, а по его мнению именно установка на английский язык в настоящее время, неожиданно, стала фактором, мешающим интеграции, ибо сократила контакт, в том числе, с учеными из России. Масса людей отдаляется, обособляется, – не в силу того, что они не знают язык (в конце концов, его можно изучить), а в силу того, что пропадает интерес к другим культурам. Надо отметить, что в Гейдельберге самая мощная немецкая школа славистики.

– Хорошо, это некая преамбула. А что у нас сейчас в результате происходит?

– Нашего ректора Виктора Антоновича Садовниченко сегодня упрекают, что он часто говорит: надо совершенствовать ЕГЭ. Но при этом как-то забыли, что в свое время именно наш ректор остался чуть ли не в одиночестве последним, выступая против ЕГЭ. Сегодня легко упрекать, когда уже приняты законы, когда в эту новую систему уже втянулись и школы, и вузы. Образно говоря, мы оказались в ЕГЭ как в бурном потоке, и сегодня наша задача – выплыть и сохранить то лучшее в образовании, что пока еще есть. Поэтому действительно ЕГЭ нужно совершенствовать. Более того, я согласен со многими новациями в этой сфере.

Однако есть одно «но». Этих мер и предложений уже так много, что можно сделать вывод: введение ЕГЭ не было необходимым шагом и, вполне вероятно, принесло гораздо больше плохого, чем хорошего. Думаю, что те деньги, которые были на него затрачены, можно было бы спокойно вложить в совершенствование традиционной системы отбора в вузы, в том числе и в той части, которая вызывала тогда наибольшие упреки, связанные с необъективностью оценок и отбора. Мне как обывателю не очень понятно, зачем вкладывать кучу денег, а потом переделывать и доделывать?

Приведу в пример и другие сюжеты, которые отражают наши реформы.

Первый пример. Грустный. Говорят о необходимости знать язык, а в рамках ЕГЭ сдают его таким образом, что знать его хорошо вовсе не обязательно. Сейчас предлагают какую-то дикую форму типа записи ответа на диктофон с последующим прослушиванием комиссией. Якобы это гарантирует защиту от коррупции. Но ведь язык предполагает общение, глаза в глаза, здесь нужно слышать и слушать, и видеть говорящего. И тогда это превращается в обычный экзамен, чего допустить нельзя. Я уж не говорю, что возможных коррупционных составляющих при записи и расшифровке гораздо больше.

Пример второй. Смешной. В первый год приема было объявлено о льготах по медицинским справкам, которые предоставляет сам абитуриент. Проверять их подлинность должен был сам вуз, что сделать нереально. Я в свое время предупреждал, что к началу приема страна заболит почти полностью. Так и произошло. Количество справок и претендующих на льготы было так велико, что между ними пришлось организовывать свой конкурс. Потом всё это упорядочили. Но ведь кто-то ввел эту систему изначально. Спрашивается, о чём думали?

Пример третий. Гендерный. Вдруг обнаружилось, что стало гораздо больше девушек-студентов. Но ведь ЕГЭ так устроен, что набор осуществляется по результатам тестирования. А девушки и лучше учатся в школе, и лучше сдают экзамены. А значит, у них возможность выбирать лучшие вузы. В этом, естественно, нет ничего плохого, но думать-то об этом тоже надо было заранее.

Пример четвертый. Социальный. Один из тезисов: ЕГЭ расширит возможность притока иногородних студентов, которые раньше не могли поступить в Москве. Во-первых, например, в МГУ, говорю это как бывший проректор по академической политике, всегда доля иногородних была очень высокой, в районе 60%, и она не намного увеличилась с введением ЕГЭ. Ведь еще есть и всегда был фактор достаточно дорогого проживания в Москве.

Во-вторых, у нас большая страна с разными традициями качества преподавания в разных регионах. Это вещь объективная. Я даже здесь не имею в виду возможную коррупцию, просто преподают по-разному, а значит, и оценки, которые математически выглядят одинаковыми, отражают разные уровни освоения знаний. Посмотрите результаты ЕГЭ по русскому языку. Самые слабые показатели много лет были в Москве, Петербурге и... Чечне, за счет жесткой и правильной позиции Рамзана Кадырова, который взял процесс под свой контроль в тот момент, когда результаты стали резко улучшаться.

Стоит задуматься: а действительно ли с введением ЕГЭ была открыта дорога для лучших и наиболее сильных абитуриентов?.. Более того, это привело к своеобразным миграционным потокам в ту же Москву. Ведь люди сюда приезжали, оканчивали престижный вуз, получали престижное образование и... не уезжали из Москвы. Работы по специальности, естественно, не хватало, и они оседали в офисах, причем на хороших зарплатах. Не это ли стало источником того самого «офисного планктона» в переполненных офисами Москве?

А ведь многих подобных следствий можно было бы избежать, если действительно всё это обсуждать заранее экспертным образом. Но был проведен весьма не чистый эксперимент по введению ЕГЭ, в котором участвовало три региона и немногие вузы, причем среди них ни одного ведущего, и на основании этого было принято решение относительно всей системы образования. Понятно, что включение сюда ведущих вузов кардинальным образом изменило бы результаты эксперимента. Впрочем, обо всём этом я уже и писал, и говорил неоднократно.

Наконец, в результате реформ образование перестало выполнять свою важнейшую функцию – быть социальным лифтом. Старая система образования дифференцировала потоки школьников. Кто-то учился лучше, кто-то хуже. Кто-то кончал школу в восьмом классе и шел в ПТУ, получая еще и профессиональное образование. Кто-то, проучившись в школе, поступал в техникум и там получал техническое образование, затем мог осознанно и мотивированно продолжать образование в вузе. Кто-то не очень хорошо учился в школе (как, например, я в силу определенных обстоятельств), но потом одумался, захотел учиться, поступил в университет, поработав на производстве, послужив в армии, и реализовал себя.

Сегодня такой дифференциации нет, просто все хотят поступать в вузы. Желающие составляют более 92% по стране. А, например, в Германии таковых только 30%, это те, кто получил абитуру, то есть окончил гимназию. Остальные по схожей нашей прежней схеме оканчивали реальную или общую школу и получали профессиональное образование.

Наш президент Владимир Путин, который получал образование в советские времена, после последнего вступления в должность очень правильно отметил, что, например, человек, прослуживший в армии, должен получать некий сертификат, дающий ему право поступать без экзаменов в любой вуз. И это действительно должен быть, как мне кажется, именно *любой* вуз. Ибо государство здесь не проиграет. Если человек будет плохо учиться – его отчислят, а если хорошо – то тем лучше и человеку, и государству.

Нынешнее образование сфокусировано на молодых выпускников школ и только. А человек, который надумает поступать в более позднем возрасте, в том числе после армии, просто в большинстве случаев не сможет этого осуществить. И, по-моему, идея президента так и не реализована. А ведь это еще бы решало и некоторые проблемы социальной дифференциации. Например, человек после школы понимает, что вряд ли он сможет выдержать конкурс на бюджет, а на платное образование денег нет. Он мог бы пойти в армию и таким образом после нее попасть в вуз. Одновременно тем самым повысился бы и сам статус службы в армии, и образование стало бы действительно социальным лифтом.

В этом случае, думаю, правомерно было бы определить, что бюджетное образование как право должно предоставляться человеку лишь один раз. Учится плохо – будет отчислен и сможет учиться лишь на платной форме. Тем самым освободит бюджетное место для хорошо учащихся на платной форме. Тогда громкие заявления, прозвучавшие в свое время, о возможности перехода с платного на бесплатное образование, не были бы столь нереализуемыми. А сейчас они малореализуемы, ибо для этого должны быть вакантные места.

Еще одна актуальная проблема – уровень подготовки нормативных документов. Такое ощущение, что их никто из специалистов не читает. Например, новый закон об образовании фактически допускает, что человек одновременно может обучаться на бюджетном месте в двух местах: аспирантуре и магистратуре. То есть получать две стипендии. А ведь стипендия – это фактически государственное пособие, образовательная пенсия. Я даже не говорю, что не очень понятно, как можно обучаться качественно, одновременно присутствуя на лекциях в двух образовательных структурах. Это провоцирует нарушения и иного рода. Например, человек может иметь два места в общежитии и одно сдавать, компенсируя уровень стипендии. Ну и так далее, я мог бы без конца множить эти примеры.

– Но одновременно же, наверное, невозможно учиться?

– Если вы физик или биолог – да, а у гуманитариев мы уже знаем случаи, когда люди одновременно являются магистрами у нас и аспирантами на другом факультете. И там, и там на дневном. Официальное разъяснение юристов – да, закон это не запрещает. Конечно, это просто-напросто непродуманность закона.

Ну и, наконец, совершенно убийственное продолжение реформы: аспирантура стала образовательным уровнем. И так люди защищались недостаточно, а сегодня аспирантура вообще не предусматривает защиту диссертаций. Она дает некий сертификат, который является основанием для защиты. Причем это опять вывернутый наизнанку принцип,

который якобы взят из США. Но там совсем по-другому! Там аспиранту составляют индивидуальный план, и он посещает занятия, которые нужны ему по специальности для диссертации. Например, если он занимается философскими проблемами биологии, ему так и ставят: биологический факультет, философский, еще что-то. И без всяких послаблений он должен получить там оценки, что логично.

А у нас аспирантура просто превратилась в образовательный уровень, и тут возникает масса коллизий. Во-первых, не готовы преподаватели. Те же самые преподаватели будут в аспирантуре читать, я надеюсь, не то же самое, но опасность такая есть. И чисто даже по-человечески: один и тот же предмет, это же надоедает! Представьте себе, бакалавратура – четыре года, плюс магистратура – два, это шесть, и еще два года (а у некоторых – четыре) аспирантуры. Девять-десять лет внутри одного факультета! Это психологическая нагрузка! Вместо того чтобы, наоборот, дать возможным аспирантам заниматься научной деятельностью и подходить очень жестко к обсуждению диссертаций, при подготовке которых люди действительно занимаются наукой, а не школярством «высшего уровня». Достаточно посмотреть даже в старой системе, сколько человек даже не защищается, а обсуждается после аспирантуры – не более 30%. Это еще одна проблема.

Опять буду ностальгировать. Абсолютно верно в старой системе аспирантура не относилась к обычному образованию. При разных министерствах науки и образования она относилась к уровню науки, ибо в нее поступали люди, уже имеющие диплом о высшем образовании. И всегда была отделена от образовательной структуры. Есть образование, и есть наука. Вся система была заточена на науку: научный руководитель, аспирант, имеющий диплом преподавателя, имеющий право преподавать и так далее. То есть это коллега. Коллега, который включен в работу кафедры. А сейчас он в работе кафедры физически не сможет участвовать. Я даже не знаю, какой смысл к нему сейчас прикреплять научного руководителя, для чего?

То есть мы подходим к чему? Помните, мы с вами в предыдущем интервью предсказывали, что начнут закрывать факультеты, начнут закрывать кафедры. Посмотрите, что происходит. Сплошной процесс слияний и объединений, без особого обоснования, что это будет более эффективно для науки или образования. Просто такой технологический подход. Важным становится не качество или особенности системы, а принципы управления ею. Логика такая, что хороший менеджер вытянет и образование, и науку. Что есть законы управления, и надо им следовать. Но думаю, что это не так, и мы можем потерять не просто качественных специалистов, которые по тем или иным причинам уходят из системы, в том числе и по возрасту, но разрушить саму систему их подготовки, что гораздо важнее.

Вы филолог и наверняка знаете, как сегодня в стране трудно найти настоящего преподавателя латинского языка. Нужна индивидуальная работа по его подготовке. И здесь ориентация на рынок и мнение работодателя не сработает. Не нужен нынешнему работодателю преподаватель латыни, филолог-классик или историк философии. Этот тезис легко подтвердить: достаточно проанализировать коммерческие вузы. Много ли среди них открывается направлений по фундаментальной науке: биологии или физике? Нет, в основном – юристы и экономисты.

Таким образом, идет процесс массовизации образования с неизбежной потерей качества. А в образовании должно быть и то, и другое. И массовость, и элитность. Понятно, зачем эти процессы массовизации и стандартизации нужны Европе: огромные миграционные процессы, огромное количество людей на улицах, их надо занять. Занять в элитных вузах нельзя, поэтому надо образование спустить в массы. Однако остаются и иные вузы. Кембридж остался Кембриджем, Оксфорд остался Оксфордом, Гейдельберг остался Гейдельбергом. И, кстати, у нас это осознали. Ведь признание особого статуса Московского и Петербургского университетов – это косвенное признание необходимости наличия элитных вузов с собственной системой отбора. Я бы вообще дал полную самостоятельность, я считаю, что Московскому и Петербургскому университетам надо самим формировать учебные планы, полностью не зависящие от стандартов. Стандарт – это вообще беда нашей страны.

– Что будет, если ничего не поменяется, всё будет двигаться в том же направлении?

– Вот это очень сложный вопрос. Ведь, понимаете, у нас элита своих детей посылает за рубеж, они получают хорошее образование, у них хорошее медицинское обслуживание. Если мы общие процессы не приостановим, будет происходить дальнейшее размежевание, элита будет отрываться от среднего уровня образования, их дети будут знать языки, они будут хорошо разбираться в предмете, может быть, даже будут возвращаться обратно на родину и занимать соответствующие посты. Ведь первые бандитские годы прошли, да, кто-то резко и не всегда праведно стал олигархом, но мы же понимаем, что их внуки уже не будут бандитами. Они действительно могут стать высокообразованными людьми, объективно – по знаниям, по всем параметрам – занимающими высокие должности. И это расслоение будет усугубляться.

– **Есть ли надежда на какое-то прозрение в этой области?**

– Думаю, да, если в это будут втягиваться люди, которые тоже могут сказать свое слово, если будут создаваться нормальные экспертные сообщества, и там будут высказываться и учитываться критические замечания, – всё это возможно.

Реформа Академии: попса в науке

– **Каково на сегодняшний день состояние реформы Академии наук, как вы оцениваете сам замысел реформы и ее последствия для гуманитарных наук?**

– Считаю, что реформа для Академии ничего хорошего не несет. Идея внешне красивая: давайте, специалисты будут управлять собственностью, а вы, ученые, будете работать. Но мы прекрасно знаем, что кто отвечает за деньги, тот и управляет. Более того, сейчас идет некоторого рода чистка, поскольку появились ограничения по возрасту для управляющих различными подразделениями, в связи с этим происходит смена директоров институтов.

Возрастные ограничения должны быть, но при этом должна быть прозрачная процедура ухода людей с таких должностей. А главное, должна быть система подготовки людей на эти должности. Часто бывает, что мы понимаем: человек уже не в силах физически работать в должности директора, но и замен нет. Их просто не подготовили. Однако это вовсе не означает, что можно сюда привести любого менеджера, и всё пойдет нормально. И в этом процессе Академия должна принимать самое активное участие!

У меня на факультете такая же проблема: есть заведующие кафедрами, которые в приличном возрасте. Они хорошие ученые, но смены себе они не подготовили, и в случае какой-то ситуации – их нечем заменить! А система сейчас выстраивается таким образом, что на директоров и заведующих фактически накладываются чисто управленческие функции, и понятно, что постепенно ученые туда перестанут идти, а будут приходить менеджеры. Сразу мы этого не заметим, а когда заметим, то поймем, что занимаемся уже вовсе не наукой. Тем более что критерии оценки эффективности научной работы вообще часто стоят в стороне от реальной науки.

Сегодня мы взращиваем не столько науку, сколько умение ее имитировать. Ведь в науке не всегда происходят открытия по заказу. Ученые физики могут десять лет, с позиции обывателя или чиновника, пить чай в лаборатории, а потом вдруг сделают открытие и уж затраты на чай точно окупят. Но сегодня нам навязывают грантовую систему финансирования, в которой лучше всех сориентировался бы Остап Бендер. «Утром деньги – вечером стулья, или вечером деньги – утром стулья». В фундаментальной науке так бывает очень редко. Здесь главным должно быть бюджетное финансирование, а грантовое – лишь дополнительным источником. Иначе мы порожаем то, что называется попсой в науке.

Деньги дают чиновники. И, по сути, нас учат тому, как правильно составлять бумаги на грант, чтобы его выиграть. Реформа идет по такому пути, что субсидии может получить человек, который сможет либо напугать чиновников, либо что-то такое им пообещать, что они точно под это выделят деньги. Раньше для того, чтобы взять от государства субсидию на науку, нужна была одна бумажка, а сегодня – куча бумаг. Ну, значит, появляется техника написания бумаг, появляется техника отчета по грантам, появляется техника привлечения интереса и так далее. Это одна сторона.

Вторая сторона – внутренние заслуги академии, от оценки которых академию вообще отстраняют. Ну как можно принимать решения извне по всем этим системам цитирования, рейтингам? Эти бесконечные требования рейтингов цитирования, индексов Хирша, из-за которых мы, преподаватели, вместо того чтобы работать со студентом, начинаем компилировать статьи. Установили норму: у нас на факультете на одного преподавателя в год три статьи. Допустим, 150 человек, умножаем на три – 450 статей. За десять лет – 4500. Зачем? О чем? И что дальше?

Более того, доходит до смешного. Вместо того чтобы издать нормальную научную статью в двадцать страниц, мне «выгоднее» издать три по шесть, – потому что это будет считаться три статьи. Вы не представляете, какие ухищрения тут находят! Например, профессор Н. берет свой учебник, а потом вводит каждую главу этого учебника как статью. Мне неудобно даже обо всём рассказывать, чтобы пример не подавать.

Любопытно, что Станислав Лем почти 50 лет назад предсказал всё это в своей знаменитой «сумме технологии», где он писал, что развитие идет таким образом, что всё большее влияние начинает оказывать информационный шум, формируемый количеством публикаций. Там же он отмечает, что открытия в науке часто выступают в рамках тех векторов ее развития, которые стоят в стороне от нормальной, всеми принятой науки.

Поэтому часто новое в науке может цитироваться мало и не всеми признаваться, как, например, выводы работника патентного бюро Альберта Эйнштейна.

Академия, как и предсказывали, превращается в клуб, переставая выполнять экспертные функции. Точнее, она продолжает их выполнять, готовит аналитические записки – но не очень понятно, кто и как ими пользуется. Думаю, ту Академию, которая была раньше, мы, к сожалению, потеряли. По-видимому, нужны другого типа организации. Допустим, если мы перекинули науку в университеты – значит, университеты надо перестраивать каким-то образом, чтобы наука здесь развивалась. Потому что не могут люди заниматься и тем, и этим, и еще третьим.

– Действительно, раньше были либо научные сотрудники, которые меньше занимались преподаванием, но могли заниматься полевыми исследованиями, наукой. Либо просто хорошие практики, особенно в практических областях, в том же преподавании языков. А сейчас получается, что человек, который может блестяще научить языку, но он не ученый, он не исследует, – тоже поставлен в зависимость от индексов цитируемости, вместо того, чтобы заниматься студентами...

– Да, вместо того, чтобы заниматься своим любимым делом... Вы абсолютно правы. Более того, мы оба родители, и можно так поставить вопрос: куда бы вы ребенка отдали – к человеку, который шикарный преподаватель, но при этом у него нет ни одной научной статьи, или к человеку, у которого огромное количество статей, но он плохой преподаватель?

– Ответ очевиден.

– Очевиден вам, но не чиновнику. Педагогический труд – это труд, который требует дополнительного времени. Если мы хотим индивидуальной работы, а у меня 20 студентов, я должен найти хотя бы 20 часов для того, чтобы на каждого студента потратить по часу. И, вообще-то, регламентировать всё это. А как регламентировать те часы, которые ты вырываешь из своей жизни? Вот я токарем работал: постоял у станка, ушел – и свободный человек. А сейчас я, когда ухожу с факультета, не становлюсь свободным: прихожу домой и снова работаю – дописываю статью, считаю что-то, продумываю.

Более того, нам когда-то сказали, что в обучении воспитательной функции не должно быть, а сейчас опять вводятся какие-то воспитательные функции. Но это тоже абсурд! Если вы вводите воспитание, тогда придумайте какую-то новую должность, не может же ученый, он же преподаватель, быть еще и воспитателем! Наверное, и в зарплате это должно быть предусмотрено. Мы поставлены в дурацкое положение!

Ведь как в советское время было? Например, я был начальником курса, мне разрешалось не выполнять то ли 30, то ли 50% нагрузки. И это было разумно! Причем тут выбор зависел от человека. Я не отказывался от нагрузки, мне это было интересно. А некоторые коллеги отказывались почти полностью, и к этому тоже относились нормально. Так тогда приведите хотя бы к этому, пересчитайте эти индикаторы! *(Индикаторы – специальные показатели качества образования, при помощи которых можно получить представление о текущем состоянии системы образования и информировать об этом образовательное сообщество. – Прим. ред.)*

Если человек работает со студентами, куратор группы и так далее – дайте ему возможность свободной нагрузки. Вот насколько его хватает после этой воспитательной работы, столько пусть и ведет. Но у нас же, понимаете, никогда не работает презумпция! Всегда подозревают, что мы всё плохо делаем, и поэтому кто-то сверху нам рисует планы, коридорчики из индикаторов, по которым мы, как им кажется, будем прекрасно всё выполнять. В университете мы пытаемся сейчас такую систему индикаторов создать. Но это трудно осуществить через формальные показатели. Как формализовать, например, то, что вы не дали студенту стать плохим человеком? А ведь мы это делаем, и все это интуитивно понимают.

В Англии уже дошли до того (я это цитировал в своей книжке «Размышления о реформе российского образования»), что ученый не просто отчитывается за грант. Чиновники просчитывают его эффективность и, если признают его неэффективностью, то просят ученого вернуть деньги. Думаю (не хочется опять предсказывать), что нас еще ждет это.

– Что вообще с этой ситуацией делать, как вы видите из нее выход, и будет ли он?

– Выходы есть. Самый главный выход – это доверие к коллективам людей, которые занимаются наукой и преподаванием. Министр Ягодин (*Геннадий Алексеевич Ягодин (1927-2015) – с 1985 по 1991 год министр высшего и среднего специального образования СССР. – Прим. ред.*) в свое время принял решение, которое было простым и очень, на мой взгляд, правильным. Содержание учебных планов должно определяться учеными советами вузов и факультетов. Благодаря этому, например, у нас на факультете были самые лучшие учебные планы за все времена. Они предполагали и выбор студентами курсов, и циклы предметов, в зависимости от того, какую специализацию выбирает студент.

Что интересно (я тогда был зам декана по учебной работе), эти планы мы создавали вместе со студентами. Это была реальная и, кстати, очень быстрая работа по совершенствованию учебного процесса. Конечно, наверное, в масштабах нашей страны так было возможно не

езде, но у нас есть потенциальные возможности такого плана. Думаю, опять же, что степень свободы для ведущих вузов и научных организаций должна быть достаточно большая, чтобы могли реализоваться инициативы снизу. И тогда сами ученые, преподаватели и студенты смогут сделать гораздо больше в сфере образования и науки.

Сегодня время такое, что людей, которые реально работают преподавателями или занимаются наукой, спрашивают в последнюю очередь (если спрашивают вообще). Считается, что сфера управления самодостаточна, и не принципиально, чем управлять, – консервным заводом, университетом или факультетом. В результате происходит подмена содержательных реформ и изменений управленческими, которые часто опираются на искусственно придуманные критерии эффективности.

– Если сейчас что-то делать в этом направлении, то какой бы могла быть современная форма правильного существования научного сообщества? Учитывая, что за последние полтора года уровень эмиграции достиг, наверное, исторической кульминации за последние лет двадцать...

– Вы знаете, эмиграция – такое дело... Да, мы говорили одно время, что ученые мигрируют из-за того, что у них нет нужных условий. Но при этом надо понимать, что если все условия будут, это не значит, что уезжать перестанут. Тем не менее, это важная вещь. Если мы обеспечим, первое, научные структуры хорошей и современной аппаратурой и новейшим научным оборудованием, думаю, даже зарплата как фактор отступит на второй план. Далее – сегодня в стране не многие вузы имеют структуру, которая позволяет людям заниматься научной работой. Третье. Если мы имеем структуру, условия, и ученый работает, он должен достаточно свободно общаться с научным сообществом. Тут тоже проблемы. До сих пор у нас в бюджетах фактически нет денег на командировки.

Лет восемь назад в университете мы получили для факультета большой грант по программе «образование». Нам тогда удалось командировать за рубеж в самые разные страны, в том числе в США, Германию, Англию и Францию, просто невероятное число преподавателей и даже технических сотрудников. Это было удивительное время, как вспоминают наши профессора до сих пор, когда мы ехали за рубеж не в роли просителей при нехватке денег, а достойно, понимая, что государство нас этим обеспечило, а значит, мы нужны обществу. Но это было всего один раз.

С другой стороны, наш ректор Виктор Антонович Садовничий часто рассказывает, что в 60-е годы ученые, в частности, математики и физики, которые приезжали в университет на конференции, делали доклады на русском языке. Почему? Потому что наша наука была одной из передовых. Это очень важно, чтобы, наряду с освоением английского языка, мы не забывали о собственном русском языке, условием распространения которого, в том числе, могут стать успехи в науке.

И конечно, самая больная проблема, особенно для мегаполисов, – квартирный вопрос. Стоимость квартир запредельная, зарплата никогда ее не догонит. У молодого ученого появляется семья, дети – а вопросы остаются не решаемыми. Есть огромное количество случаев, когда люди уходят из науки, прежде всего, из-за жилья. Уходят либо на большие деньги, чтобы квартиру можно было купить, либо в структуру, которая может квартирой обеспечить, либо уезжают за рубеж.

Вот буквально три-четыре пункта, которые надо продумать и каким-то образом выполнять.

Двенадцать профессоров на одного ассистента – и другие «выверты» системы

– А как вы вообще сегодня оцениваете состояние преподавательского сообщества? Уровень подготовки, уровень мотивации?..

– Я еще лет десять назад говорил, что кадровая проблема – одна из центральных, и нас может ждать «кадровый коллапс». Дело не просто в естественном старении кадрового состава. Сегодня возрастной разрыв таков, что молодым студентам преподают даже не дедушки, а прадедушки. Причины понятны. Массовый уход молодых людей из образования после перестройки, многие годы низкая зарплата. И, наконец, непродуманность системы ротации, при которой пожилой профессор мог бы спокойно перейти на должность

консультанта, если он нужен факультету или вузу. А сейчас ситуация достигла такой степени, что даже если и будут профессора уходить, то порой их нечем заменить – ни по качеству, ни по статусу.

Речь не идет только о возрасте как таковом: у меня на факультете есть профессор Василий Васильевич Соколов, которому далеко за 90, но он как преподаватель даст фору многим тридцатилетним. Речь идет о системе открытости и возможности приема молодых людей и достаточности выбора тех, кто достоин работать. Я вспоминаю Гадамера (*Ганс-Георг Гадамер (1900-2002) – немецкий философ, известен как основатель «философской герменевтики».* – Прим. ред.), с которым я встречался в 1998 и 2000 году (в этот год я по поручению ректора вручал ему звание почетного профессора), он вышел на пенсию с профессорской должности, как и положено в Германии, в 65 лет. Но что значит ушел? Он потом еще почти 40 лет работал на философском факультете Гейдельберга. Ему сделали отдельный кабинет (кстати, упомянутый мною нынешний декан факультета Антон Кох теперь в нем работает), он не преподавал постоянно, но работал даже больше.

Или Хабермас (*Юрген Хабермас (род. 1929) – немецкий философ и социолог.* – Прим. ред.), который при встрече в Москве рассказывал: «Я когда стал пенсионером, у меня, учитывая, что 80% пенсия от зарплаты, плюс накопительная пенсия, денег стало больше, чем когда я работал... Плюс гонорары и так далее». Понимаете? А у нас совершенно это не продумано. Конечно, люди старшего возраста должны быть в университете. Но ведь нужны и места молодым! Вот в советское время была должность профессора-консультанта – это же логично, человек в почтенном возрасте может консультировать, может что-то рассказывать молодым преподавателям и так далее. У нас такой схемы сегодня нет.

Опять же зарплата. Это даже не следует обсуждать, но зарплата у молодых преподавателей сегодня совсем мизерная. Человек приходит и работает преподавателем при полной нагрузке, – а некоторые вузы рассматривают указание министерства о предельных 900 часах как оптимальное. Хотя нижний порог тут не установлен, это выдумки вузов. Понятно, что вузам удобно сжимание преподавательского состава, искусственное подогревание конкуренции...

Вторая проблема диспропорций: наш преподавательский состав – это перевернутый конус. В идеале как должно быть: один профессор, потом конус расширяется, внизу пять ассистентов. Логично? Профессор возглавляет школу, отсюда и слово «ассистент» – ассистирует. А у нас наоборот: внизу один ассистент на кафедре, а наверху двенадцать профессоров. Правда, министерство ныне ввело такие драконовские меры для получения званий профессора и доцента, что вскоре, наверное, останутся одни ассистенты. И это тоже проблема, когда для профессора по новым требованиям важно большое количество публикаций, но практически никак не оценивается его труд именно как профессора-преподавателя.

И, наконец, мы снова упираемся в мысль, что ведущие вузы страны должны полностью организовывать свои экзамены. Абитуриенту нужно понимать, что если он идет в МГУ, у него должен быть определенный уровень подготовки, профильный для данного факультета. И если уж мы смирились с ЕГЭ, то именно вес профильного экзамена должен доминировать. А не так, как в этом году я наблюдал: в последний день экзамена две девочки плачут около приемной комиссии. Я спрашиваю, почему. Они по баллам проходили, но в это время вывесили баллы юристов, кто-то там не прошел, схватил документы, побежал, нашел, и попал. Те, мотивированные, не прошли, а тот, немотивированный, принес свои баллы по обществоведению – и всё, его зачислили.

Кстати, разрушение мотивации – это одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество образования, ибо гораздо больше тратится времени на пролонгирование того, что не было получено в школе. Школа перестроилась. Она стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ. Вы прекрасно как филолог знаете, что человек может на пятерку сдать ЕГЭ и неграмотно писать.

– Если говорить о нравственном и общественно-политическом состоянии профессорско-преподавательского состава, какие у вас здесь наблюдения?

– Вопрос хороший, я лично считаю, что действительно должен быть внутренний преподавательский нравственный стержень, особенно по отношению к студентам, которые в каком-то смысле являются зависимыми от преподавателя. А для этого необходима определенная дистанция в отношениях. Дистанция не как закрытость, тем более в вопросах знания, но дистанция в форме поведения, которая позволяет сохранять требовательность, объективность.

Практика показывает, что в конечном счете уважением пользуется знающий преподаватель, даже если он излишне строг и соблюдает дистанцию «профессор-студент», а не тип преподавателя, который панибратски похлопывает по плечу и готов вместе со студентом регулярно пиво выпивать. Конечно, возможно и общение вне занятий, но внутренняя дистанция должна сохраняться.

В Гейдельберге я часто видел объявления, когда профессор устраивает прием зачета, например, по классической филологии – в пиццерии. Это старая традиция. Студент, как правило, беден и его стоит подкормить. В этом нет панибратства. А вот разрушение дистанции, на которое идут некоторые преподаватели, думая, что таким образом они будут популярны, – чаще всего это компенсация своей недостаточной профессиональной подготовки. Студенты быстро «раскусывают» такого преподавателя и, что вполне естественно, пользуются этим.

На самом деле студенты ценят дисциплину преподавателя и требовательность к ним, хотя это может им и не очень легко даваться. Процесс обучения, как и в целом процесс приобщения к культуре, всегда строится на определенной системе запретов. Я, например, запрещаю студентам на лекции пользоваться телефонами, смартфонами и обязательно сделаю замечание, вплоть до просьбы покинуть аудиторию, если это вдруг происходит. То же самое касается опозданий.

По поводу нравственности и поведения студентов. У нас противоречивая страна. В советские годы нам предписывали выполнение воспитательной функции. В этом было много плохого, но было много и хорошего. Я сам работал начальником курса, и студенты могли иногда ко мне подойти с какой-то проблемой, признаться в том, в чем они не признались бы ни родителям, ни друзьям. Иногда приходилось выступать своеобразным посредником между администрацией и студентами. Затем произошло отрицание официальной идеологии, и воспитательная функция тоже попала под данный разряд. А когда вдруг осознали, что она всё-таки должна быть у вуза, традиции оказались утраченными, и преподаватели, которые могли бы этим заниматься с душой, перевелись.

Сегодня надо как-то определиться с этим, в том числе и на уровне государства. В той же Германии – ты сошел со ступенек университета и делай, что хочешь, дальше работают законы. Наркотики употребляешь? Есть законы. Разделся, голым пошел? Есть законы. Это касается и преподавателей, и студентов. Трудно себе представить, что декан или ректор будет отвечать за то, что студент совершил тот или иной поступок вне стен университета.

Формально у нас вроде бы тоже так, а в реальности руководитель часто отвечает буквально за всё. И, кстати говоря, это иногда отнимает времени и нервов намного больше, чем профессиональные и административные обязанности. Если же мы должны нести ответственность за воспитание студентов, то государство должно иметь систему поощрения за данную работу. Количество статей или нагрузка являются критериями аттестации преподавателей, а вот как оценить коллегу, который самого себя буквально отдает студентам? Не очень понятно.

И первый, кого надо бы запретить, – это Шекспир

– Но не будешь же за каждым ходить круглосуточно, а потом ругать на лекции?

– Конечно, воспитательная функция должна присутствовать, но незримо. Мы как гуманитарии понимаем, что не надо говорить человеку: «Будь хорошим, не делай плохо». Система запретов тут не работает. С этой точки зрения, первый, кого надо было бы запретить, – это Шекспир. Чего у него только нет: и кровосмешение, и убийства, и ранние любовные отношения. Мы ведь помним, сколько лет было Джульетте. В «Московском комсомольце» это могло бы оказаться в хронике происшествий.

Но мы же не запрещаем Шекспира! И тут я скажу совершенно банальную вещь: культура в целом – это лучшее средство воспитания. Я вот учился в Раменках, и нас каждую неделю водили в театры. Так мы там тосковали, нам в футбол хотелось поиграть! А теперь мы понимаем смысл этих походов...

Я вообще считаю, что культура требует элемента насилия. Она не дается легко. Для того чтобы слушать Баха, вы должны хотя бы привыкнуть к классической музыке. Для того чтобы слушать оперу, вы должны посетить хотя бы несколько раз театр. А современная ситуация еще и обостряет проблему в разы. Попробуйте сегодня оторвать геймера от компьютера и утащить в театр. И это, кстати, снова не берется в расчет. Нам снова говорят сверху: надо вернуть воспитание в обучение, надо то-то, надо то-то. Почему считается, что чиновник лучше знает, как кого воспитывать?!

– Как вы оцениваете сейчас влияние ИГИЛ (террористической организации, запрещенной законодательством Российской Федерации)?

– Ну, во-первых, это общемировая проблема – причем проблема-следствие той мультикультурной ситуации, которую в свое время пропагандировали в Европе. Кстати, почему я был противником введения теологии в вузах? Я сразу сказал, что проиграет от этого, прежде всего, православие. Потому что другие религии, даже внутри христианства, например протестантство, – более активны и поэтому более привлекательны для молодежи.

Второй аспект: молодежи всегда нравится нечто запретное. Ведь террористические организации разных типов всегда существовали, и в них тоже всегда вступала молодежь, это историческая данность. Третье – государство хоть немного должно смотреть, какие книги продаются, что-то надо, возможно, и запретить. Простейший пример: после перестройки везде стала продаваться Библия, рядом лежал «Молот ведьм», а рядом еще – «Mein Kampf». Вот свобода, берите всё. Ну и что, открываешь Библию, ее читать скучно, надо искать все эти потайные смыслы. Вот люди и выбирали.

В культуре, прежде всего классической, всегда присутствует, как писал один из лучших наших культурологов Георгий Степанович Кнабе, культурная дихотомия «прикровенность-откровенность». Это своеобразная культурная оппозиция: нечто запрещается к прямой демонстрации, а нечто разрешается. Всегда есть нечто закрытое и есть нечто открытое.

Первое, что тут лежит на поверхности, – это отношения между мужчиной и женщиной. Понятно, что в них ничего нового от «Камасутры» не добавлено, но никогда «Камасутру» где-нибудь, скажем, в средние века не читали вслух. Это относилось к области прикрытого. А сегодня по телевизору, и ребенку в том числе, можно увидеть то, что вообще недопустимо.

Как шло воспитание в классической культуре? Было несколько полочек с книжками, вот эти книжки для ребенка, и плюс одна полочка такая хитрая, где подставлялись книжки уже более взрослые. И так постепенно, постепенно, постепенно человека воспитывали.

У Ролана Барта в его книжке «Мифологии» есть очень интересная статья «Стриптиз». Чем отличается классический стриптиз? Присутствующий на сцене, скажем так, объект для вас недосыгаем. Вы не можете подойти и потрогать его. А вот в соседнем кафе раздевается секретарша: что-то у нее не отстегивается, чего-то не получается, каждый, в принципе, может ее потрогать. Вот принципиальная разница.

Так вот, можно не соглашаться, конечно, но Барт говорит, что первое явление имеет отношение к культуре, а второе – нет. А Юрий Михайлович Лотман, как бы полемизируя с Бартом, занимает более жесткую позицию: сексуальная революция, которая произошла в обществе, принципиально контркультурна, потому что разрушает именно указанную культурную дихотомию. Подростку после просмотра жесткой порнографии будет весьма трудно относиться романтично к лицам противоположного пола. И это может, кстати говоря, еще и стать источником будущих преступлений на сексуальной почве.

И поэтому, когда мы говорим о случаях, возникающих сегодня, мы очень четко понимаем: да, конечно, философия может обсуждать любые темы, и никакие запреты здесь не работают, но при этом мы как преподаватели должны осознавать свою ответственность. Ведь мы можем и Ницше так преподавать, что его учение возьмут на вооружение, мы можем

о Шопенгауэре, который рассуждает о самоубийстве, так рассказать, что человек захочет попытаться это повторить. Так же и в случае с террористическими организациями.

О флешмобе, преподавательском авторитете и стихах Тютчева

– Что в целом вы можете сказать про состояние современного студенчества? Оно отличается от предыдущих поколений?

– То, что студенты отличаются, это точно. Они меньше знают, точнее, эти знания очень неглубоки. Сейчас часто на экзамене, когда указываешь, что ответ неверен, студент мгновенно перестраивается: «Ой! Я что-то не то сказал», – и сразу говорит другое. Идет перебор легко заменяемых вариантов. Это последствия повального увлечения различного рода конкурсами эрудитов, ответов на вопросы тестов и пр. Клиповая культура, в которой всё можно заменять, модифицировать, – переносится и на процесс получения знаний. Нажал кнопку поисковой системы – и даже не проверяю, а насколько ее ответ имеет отношение к истине.

Но мы, преподаватели, всё же призваны не для того, чтобы говорить: «Ах, какие вы плохие». Мы призваны понять, что такое – сегодняшний студент. Да, он на первом курсе не знает точки кипения. Да, он ничего не слышал об Умберто Эко. Да, он не может ответить на вопрос, с чего начинается «Война и мир». Но это проблема не их, это проблема их школ. И поэтому вузы объективно ставятся в ситуацию пролонгирования школы. Мы вынуждены подстраиваться, дотягивать ребят.

Но у них есть и плюсы. Во-первых, нынешнее поколение лучше знает иностранные языки. И пусть тут доминирует английский, но тем не менее. Они более раскрепощены, хотя этот фактор может носить и негативную коннотацию. Они же социализированы в социальных сетях, но абсолютно не социализированы вовне. Я часто рассказываю, как года четыре назад ко мне подошла группа студентов: «Пойдемте, Владимир Васильевич, с нами флешмоб сделаем». Я говорю: «Какой?» – «Да вот мы пойдем на Кольцевой дороге поплевать на машины сверху». – «Так вас и побить могут!» – говорю.

С одной стороны, приятно, что студенты мне доверяют и пришли меня пригласить, с другой стороны, – сегодня такое тусовочное настроение, что ребят буквально бросает иногда совершенно не в ту сторону. Им часто всё равно, по какому поводу тусоваться, главное – само действие. И поэтому наша задача как преподавателей попытаться находить контакт. Это очень трудно, потому что мы знаете, что потеряли? Авторитет знаний. Раньше для молодого человека взрослый объективно обладал большей информацией. А сегодня молодой человек, оперируя интернетом, обладает иногда гораздо большей информацией, чем взрослый. Ситуация меняется. И сегодня вы авторитет не потому, что у вас много информации, а потому, что вы знаете, как использовать эту информацию и как ее оценивать.

Сегодня молодой человек может найти в интернете стихи Тютчева, под которыми написано «Миронов». И он даже не будет проверять. Для него это объективный результат. А мы можем хотя бы приучать: «Ребята, “Википедия” – это хорошо, но и там могут быть ошибки». Посмотрели российскую «Википедию» – сравните с немецкой, с французской, с английской – уже получите более верный результат. Нужно приучать к тому, что интернет не является структурой, которая дает лишь объективные знания, а это структура, которая под вас всегда подстраивается. Я думаю, это одна из центральных задач современного

преподавателя – во-первых, хорошо разбираться в мире информации, а во-вторых – выполнять мировоззренческую коррекцию. И это труднее, чем раньше.

Можно ли «списать» диссертацию?

– Давайте поговорим о плагиате в диссертациях. Полностью списанные диссертации выявлены сообществом [«Диссернет»](#), во многих вузах стоит программа «Антиплагиат»...

– Начнем с простой вещи. Я когда-то сам на конференции участвовал в программе запуска «Антиплагиата». Но на самом деле она немного себя дискредитировала в последнее время. Во-первых, эта программа очень дорогая. Для факультета нам надо платить за нее 400 тысяч в год! Во-вторых, юридической силы «Антиплагиат» не имеет. В-третьих, у нее стала хуже подборка для сравнения. В свое время я прогнал через «Антиплагиат» «Феноменологию духа» Гегеля и получил 90% с лишним заимствований. Значит, система несовершенна во многом. И если вы себя проверите, вы, скорее всего, обнаружите тех, кто у вас списал. В-четвертых, «Антиплагиат» легко обойти – например, поставить кавычки... Есть и другие технологии, как его обходить. Я считаю, что опытный преподаватель может в индивидуальном порядке пользоваться этой программой, но это не панацея. Я, например, ищу плагиат другими достаточно эффективными способами.

В Германии пошли по другому пути. Когда вы пишете диплом или защищаете диссертацию, на втором листе диплома вы пишете приблизительно такую фразу: «Я гарантирую, что мой текст не содержит заимствований, что он был не представлен ни в какую государственную комиссию». И наказание здесь до трех лет лишения свободы! Не за плагиат как таковой, а за нарушение этой фразы, за то, что вы нарушили слово. И когда вы защищаете диссертацию, вы даете это слово устно перед всеми.

– А как вы оцениваете ситуацию, когда на совести экспертных советов десятки таких диссертаций, в которых просто заменен один термин на другой?

– Сама процедура организации защиты не позволяет в ряде случаев обнаружить плагиат, так как диссертацию внимательно читают оппоненты и рецензент. Определенную ответственность должен нести научный руководитель. И конечно, сама процедура непосредственной защиты, когда выступает соискатель, – должна по логике вскрыть такие недостатки.

Может быть, даже должно быть две оценки: за текст самой диссертации и за непосредственную защиту. И если на защите выявляется, что человек явно не разбирается в проблеме, даже если текст хороший, – это должно быть решающим аргументом для отказа в степени. Не случайно ведь плагиата больше обнаруживается в гуманитарных дисциплинах. Это означает, что именно диссертационные советы работают не очень качественно. А вот в экспертной комиссии это проверить почти невозможно. Более того, ситуация, на мой взгляд, даже ухудшилась. Сегодня экспертная комиссия, особенно когда рассматриваются кандидатские, фактически работает лишь с документами, а не с текстом.

Почему плагиаты в основном обнаруживаются в гуманитарных дисциплинах? Наверное, не пойдет человек защищать диссертацию на мехмате, в которой ничего не смыслит: его сразу распознают во время защиты. А вот у гуманитариев это возможно.

Я не думаю, что используемые ныне технические средства могут действительно помочь, ибо они уже работают с тем, что создано, а надо создавать атмосферу, чтобы это было невозможно в принципе.

– Но незакавыченные цитаты в тексте, когда речь идет о научной степени...

– Вот ВАК для этого и существует. Есть разные методы, можно обнаружить плагиат просто самому, прочитав. У меня одна студентка, причем я был ее научный руководитель, принесла работу, я начал читать и обнаружил очень знакомую мысль. Оказалось, что это прямо списано у меня. Причем, как она мне потом доказывала, – она это списала у другого человека. А была и обратная ситуация. Человек активно публиковал свои тексты, в том числе в интернете. И вдруг выяснилось, что на основании его текстов была написана диссертация. И это не является плагиатом.

Конечно, с этим явлением нужно бороться: экспертная комиссия, моральные принципы, допуск к диссертации и, конечно, чистки. Но при этом мы должны понимать: «списывание» есть и будет, избежать этого нельзя. Это как, не знаю, пожары, как наркомания в обществе.

Кстати, есть ведь и еще более серьезное явление – когда пишут хорошие диссертации, но за другого, за деньги – целые фирмы так работают! И вот это точно должен выявлять диссертационный совет. Когда я в свое время был председателем экспертного совета, мы любого кандидата, который занимал высокий пост, например, в правительстве Москвы, – имели право вызвать и побеседовать с ним. Однажды пришел достаточно высокопоставленный человек, который написал кандидатскую диссертацию... И вот он стоял и вообще ничего нам не говорил. Мы ему задаем вопрос, а он молчит. В конце концов, я уже не выдержал и говорю: «Вы хотя бы скажите, что такое философия». И здесь он выдал. Он подумал-подумал и сказал: «Философия – это жизнь»...

– И ведь не поспоришь...

– Вот и мы так подумали. Но степень не присвоили. А вот сейчас это отменили. Вы уже не можете просто так вызвать человека, для этого существует очень сложная процедура.

И еще одна проблема. Не нужно всё-таки устраивать охоту на ведьм, ибо тогда это становится средством манипуляции, независимо от поставленных целей. Нужно решить, что вот с этого момента все диссертации проходят такую-то проверку с помощью технических средств, и человек должен это соответствующим образом оформить. И не надо расширять это в глубины истории, без этого работы хватает. Понятно, что никакой председатель ВАК или экспертной комиссии не может прямо сегодня это проконтролировать, ибо работает согласно соответствующим инструкциям. Гораздо важнее поднять роль членов комиссий именно как экспертов. Не сводить фактически к количеству публикаций и процедурам, хотя это проще, а доверять экспертам.

В некоторых случаях, даже если автор имеет сотню работ, эксперты могут сделать вывод, что никакой новизны в них нет, а в ряде случаев, может быть, одной работы достаточно, чтобы присвоить степень доктора. Кроме того, сами критерии защиты, новизны и пр. тоже должны отличаться в зависимости от наук. Для меня, например, по большому счету трудно представима «новизна» в философии. Или, точнее, она будет весьма отлична от новизны диссертации по физике, написанной по результатам каких-то проведенных экспериментов. Думаю, это всем понятно, и ВАК сейчас активно реформируется. Поэтому будем надеяться на лучшее!

Владимир Васильевич Миронов – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой онтологии и теории познания философского факультета МГУ (с 1998 года), декан философского факультета МГУ (с 1998 года).

Родился в 1953 г. в Москве в семье рабочих. После неудачной попытки поступить на философский факультет МГУ работал токарем на заводе. Служил в Советской армии. Поступил на рабфак философского факультета МГУ. Затем учился в очной аспирантуре кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ. В 1981 году был приглашён работать на данной кафедре в должности младшего научного сотрудника. С 1983 по 1989 годы работал преподавателем-начальником курса, позднее старшим преподавателем философского факультета. В 1984 году защитил диссертацию кандидата философских наук, в 1988 году был избран доцентом философского факультета. Одновременно с 1988 по 1998 год работал заместителем декана философского факультета по учебной работе. В 1997 году защитил докторскую диссертацию по философии. В 1998 году утверждён в учёном звании профессора.